

РАЗДЕЛ 1. ДИСКУССИИ

УДК 81'271.2
ББК Ш105.553
DOI 10.26170/pl19-05-01

ГСНТИ 16.21.61

Код ВАК 10.02.01

А. П. Сковородников

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-0171-596x

✉ E-mail: skapnat@mail.ru.

О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии

АННОТАЦИЯ. По форме и содержанию статья представляет собой ответы на вопросы, предложенные для обсуждения на Всероссийском научном семинаре «Экология языка и современные коммуникативные практики», состоявшемся 23—24 апреля 2019 года в Сибирском федеральном университете. Учитывая рост интереса мирового научного сообщества к экологической проблематике, в частности к экологии языка и различным ее интерпретациям, а также к концепциям ее предметной сферы, организаторы семинара предложили для обсуждения следующие вопросы (темы): 1) лингвоэкология или эколингвистика: тождество или различие?; 2) лингвоэкология и культура речи: вопрос разграничения понятий; 3) обоснование предметного поля лингвоэкологии/эколингвистики; 4) междисциплинарность лингвоэкологии/эколингвистики; 5) направления лингвоэкологических/эколингвистических исследований в России и за рубежом; 6) соотношение экологии языка и лингвистики информационно-психологической войны. В статье дано по необходимости краткое обоснование авторской точки зрения на решение поставленных вопросов, кроме пятого, требующего развернутого аналитического обзора. Автор надеется, что дискуссия по указанным вопросам будет продолжена на страницах журнала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвоэкология; эколингвистика; экология языка; культура речи; предметное поле; междисциплинарность; информационно-психологическая война.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сковородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а; e-mail: skapnat@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сковородников, А. П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии / А. П. Сковородников // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 12-25. — DOI 10.26170/pl19-05-01.

Первый вопрос. Лингвоэкология и эколингвистика: тождество или различие?

В обзорно-аналитических работах исследователей проблем экологии языка содержатся попытки дифференцировать указанные понятия (см. об этом, например, статьи С. В. Ионовой [Ионова 2010], В. П. Коровушкина [Коровушкин 2011], Н. А. Курашкиной [Курашкина 2016а, 2016б], А. А. Громорушкиной [Громорушкина 2018]), однако значительная часть пишущих по этой проблематике употребляют эти термины как синонимы, что создает некоторую терминологическую избыточность и неупорядоченность. В основательной обзорно-аналитической статье Н. А. Курашкиной [Курашкина 2015] убедительно показаны разночтения (если не сказать «хаос») в интерпретации и разграничении терминопонятий «эколингвистика» и «лингвоэкология». Резюмируя, Н. А. Курашкина предлагает такое «решение терминологической дилеммы, позволяющее снять проблему сомнительной синонимии», которое позиционирует эколингвистику как «„зонтичный“ термин для широкого спектра подходов, преследующих разные цели. Из

этого следует, что лингвоэкология (экология языка, языковая экология) представляет собой лишь одну из отраслей, объединяющих экологию и лингвистику, являясь при этом неотъемлемой частью эколингвистики как целого комплекса экологически ориентированных языковых дисциплин (с позиций А. Филла)» [Курашкина 2015: 152].

Понятно, почему автор цитированной статьи, как и некоторые другие лингвисты, предпочитает термин «эколингвистика»: манифестируя принадлежность к лингвистике, он хорошо встраивается в ряд других «лингвистик» типа психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, медиалингвистики, политической лингвистики и т. д. Однако, собирая под «зонтиком» эколингвистики все двояко ориентированные дисциплины (и на лингвистику, и на экологию), мы не уйдем от того факта, что для части этих дисциплин доминирующим целеполаганием будет в конечном счете решение экологических задач в предметной языковой области, а для другой части — решение лингвистических задач в предметной области экологии — общей экологии и частных экологий, например, задач терминологических. Ср. с таким замечанием Н. А. Курашкиной,

© Сковородников А. П., 2019

ссылающейся на статью Г. М. Фадеева «Стилистические аспекты лексикона немецкого экологического дискурса» (Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 19 (625). С. 61): «Заметную активность проявляют ученые, разрабатывающие критический анализ экологического дискурса и экологию перевода, объединяемые под общим термином **эколингвистика**. Изучение экологического дискурса, реализуемого в свете лингво-синергетического подхода, „позволяет выделить общий экологический дискурс, основная тема которого — отношения между живыми организмами и окружающим их миром, и его частные дискурсы как конститuenty вышестоящей единицы“» [Курашкина 2016б]. Если учитывать онтологию (сущностную сторону) научной дисциплины *лингвозэкология*, то придется признать, что целеустановочной доминантой этой дисциплины является экологический, а не лингвистический компонент. Ведь речь идет об **экологии языка**, т. е. о такой разновидности экологии, которая занимается проблемами языка с позиции экологии. Лингвозэкология, т. е. *лингвистическая экология*, является смысловым аналогом словосочетания *экология языка*. Язык, точнее его «здоровье» является объектом этой науки, а экология — субъектом, задающим идеологию, методологию, а во многом и понятийную систему этой дисциплины. В рамках родового понятия «лингвозэкология» можно выделять те или иные целевые трансформации этой дисциплины, например, *лингвозэкологию эмоций* [Шаховский 2015], *педагогическую лингвозэкологию* [Сущенко 2013], *этическую лингвозэкологию* [Андреева, Дзида, Зятькова 2012] и т. д.

Что касается терминопонятия «эколингвистика», то как синоним лингвозэкологии оно, в силу сказанного выше, избыточно и некорректно. Но этот термин может «работать» как название особого направления лингвистики, не пересекающегося с лингвозэкологией. Эколингвистику (экологическую лингвистику) можно рассматривать как такое направление лингвистики, объектом которого является язык экологии, точнее — разных экологий, прежде всего биозэкологии, социоэкологии, экологии культуры, с позиций языковых закономерностей и норм, т. е. с лингвистических позиций. Тогда вопрос о синонимии терминов снимается, они выступают как наименования самостоятельных научных направлений: в одном случае — экологии (лингвозэкология), в другом случае — лингвистики (эколингвистика).

С близких нам позиций разграничивает понятия «лингвозэкология» и «эколингвистика» В. П. Коровушкин, пришедший к выводу,

что «термин „эколингвистика“ можно было бы закрепить за тем разделом **лингвистической науки** (здесь и далее выделено мной. — А. С.), в котором в качестве исходного принимаются лингвистические факты — языковые знаки; и, напротив, термин „лингвозэкология“ следовало бы закрепить за тем разделом **экологической науки**, в котором в качестве исходного принимаются экологические факты, воздействующие на функционирование языковых знаков» [Коровушкин 2011: 62]. Однако сразу за этим следует противоречащая сказанному мысль о желательности «зонтичного» термина: «При этом весьма проблематично на данном этапе развития эколингвистики / лингвозэкологии подобрать такой научный термин, который объединил бы эти два не совсем синонимичных термина» [Там же]. Но эти термины, если они принадлежат разным наукам, не могут быть не только синонимами, но и покрываться одним родовым («зонтичным») понятием как его видовые составляющие. Таким образом, вопрос о «зонтичном» терминопонятии отпадает в том смысле, что «зонтиком» для лингвозэкологии является экология, а для эколингвистики — лингвистика.

В свете сказанного лингвозэкология может быть определена как такая междисциплинарная гуманитарная наука, предметом изучения которой является состояние языка как сложной семиотической системы **с экологических позиций** (метафорически «здоровье языка»), обусловленное социальными, историческими, политическими и другими экстралингвистическими факторами, влияющими негативно или позитивно на язык и языковое сознание его носителей; пути и способы защиты языка от негативных влияний среды его обитания, с одной стороны, и его обогащения и совершенствования, с другой (к этому определению лингвозэкологии мы еще вернемся). Термином же «эколингвистика» целесообразно обозначить такой специфический раздел лингвистики, который занимается проблемами языка всех экологических наук **с лингвистических позиций**.

Второй вопрос. Лингвозэкология и культура речи: разграничение понятий

Нам представляется, что разграничение этих понятий, а следовательно, и предметного содержания этих дисциплин, можно провести, сопоставив оппозиции основных аксиологических концептов, лежащих в их основаниях. Культура речи при традиционном ее понимании отвечает на вопрос, *правильна или неправильна*, т. е. *нормативна или ненормативна* та или иная речевая единица с точки зрения литературного язы-

ка. При более современном и широком понимании культуры речи как культуры речевого общения к этому добавятся оппозиции, мотивированные так называемыми коммуникативными качествами хорошей речи: *уместно / неуместно, ясно / неясно, выразительно / невыразительно, эффективно / неэффективно*.

Лингвэкология, не входя в пререкания с культурой речи, задается вопросом, *полезно* или *вредно* (экологично или неэкологично) что-либо в языке или речи, а также в среде их «обитания» и функционирования, для сохранения и развития языка. **В таком ракурсе лингвэкологию можно рассматривать как продолжение, своего рода развитие (но не тождество!) культуры речи.** Покажем это на конкретном примере.

Возьмем глагол *пилить* (совершенный вид *распилить*) в значении «незаконно присваивать (присвоить) государственные деньги». Этого глагола в указанном значении нет в толковых словарях современного русского языка (см., напр.: [Большой толковый... 1998; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов 2011]). Нет его даже в «Большом толковом словаре русской разговорной экспрессивной речи» (СПб. : Норинт, 2004. 768 с.). Нет его в этом значении в словарях русского жаргона, по крайней мере в наиболее известных (см., напр.: [Мокиенко, Никитина 2001; Ермакова, Земская, Розина 1999]). Таким образом, культура речи определенно говорит, что глагол *пилить* (*распилить*) в указанном значении находится за пределами литературной нормы, из чего можно сделать вывод о нежелательности его употребления.

В то же время лингвэкология вам скажет, что *пилить* (*распилить*) в этом значении и его производное *распил* полезны, так как, не нарушая законов языка и речевой этики, обогащают русский язык образными средствами. Это подтверждается практикой качественных (не желтых) СМИ, например: *Не то чтобы стали более рьяно бороться, просто давать и брать стали больше и чаще, иначе откуда бы появились неологизмы: „откат“ и „распилить бюджет“* (Аргументы и факты. 2008. № 29); *Ведь **пилить бюджет** можно по ходу самых разных видов деятельности, включая нейтральные и даже полезные* (Известия. 2014.04.30); *Не много парламентариев захотело заниматься делами ветеранов („пилить“ бюджет гораздо интереснее)* (Известия. 23.01.2004); *Она (цель. — А. С.) всем известна и ни от кого не скрывается — спасибо гласности. Цель лапидарна — **пилить*** (Литературная газета. 2013. № 9);

*Я спросил их, что они думают о сколковском проекте, и они в один голос сказали мне: „Воровство и **распил бюджета**“* (Комсомольская правда. 24.08.2013). Имея в виду лингвэкологическую оценку указанных речевых фактов, культура речи сделает вывод об их уместности в не строго официальной речи — разговорной и публицистической. Если не учитывать взаимодействия лингвэкологических и культурноречевых критериев, то в разряд нежелательных речевых фактов попадут, как в следующей публикации, многие остроумные окказиональные образования, возникающие в результате языковой игры, например такие, как *«брехлама* (реклама, которая и брехня и хлам), *нехоть* (состояние, когда ничего не хочется), *зомбоящик* (телевизор), *самозвонец* (тот, кто всюду звонит о себе, саморекламщик), *трепортер* (многопустословный репортер), *стабилизец, обьЕГЭрить* и т. п.» [Шаховский 2015: 15].

Таким образом, можно заключить, что культура речи и лингвэкология, будучи взаимодополняющими дисциплинами, различаются, во-первых, целеполаганием и объектом забот, во-вторых, критериями оценки речевых и языковых фактов.

Здесь возникает вопрос о допустимости в науке оценочных целеполаганий. Мне представляется приемлемой точка зрения Э. Дюркгейма, который писал: «По одной теории, сторонники которой принадлежат к самым различным школам, наука ничего не может сообщить нам о том, чего мы должны хотеть. Ей известны, говорят, лишь факты, которые все имеют одинаковую ценность и одинаковый интерес; она их наблюдает, объясняет, но не судит. Для нее нет таких фактов, которые были бы достойны порицания. Добро и зло не существуют в ее глазах. Она может сообщить нам, каким образом причины вызывают следствия, но не какие цели нужно преследовать». И далее: «Действительно, для обществ, как и для индивидов, здоровье хорошо и желательно, болезнь же, наоборот, плоха, и ее следует избегать. Если, стало быть, мы найдем **объективный критерий, внутренне присущий самим фактам** (здесь и далее выделено мной. — А. С.) и позволяющий нам научно отличать здоровье от болезни **в разных категориях социальных явлений**, то наука будет в состоянии прояснить практику, оставаясь в то же время верной своему методу» [Дюркгейм 1995].

Итак, в социальных науках оценочность не только допустима, но и желательна при наличии объективных критериев, органичных («внутренне присущих») рассматривае-

мым фактам. Это подтверждается суждениями и других философов. Так, Э. Фромм предлагает «называть рациональными любые мысли, чувства или действия, которые способствуют адекватному функционированию и росту целостной системы (частью которой они являются), а все, что имеет тенденцию к ослаблению или разрушению целого, считать иррациональным» [Фромм 1998: 349—350]. (В этом суждении Э. Фромма рациональное — аналог полезного, а иррациональное — вредного.) А Фридрих Ницше говорит об оценивании как об одной из главных сущностей человеческого бытия: «Оценивать — значит созидать: слушайте, вы, созидатели! Оценивать — это драгоценность и жемчужина всех оцененных вещей. Через оценку впервые является ценность; и без оценки был бы пуст орех бытия» [Ницше <http://>].

Третий вопрос. О предметном поле лингвозкологии

Предметное поле лингвозкологии чрезвычайно широко и разнообразно. Так, его тематический обзор, не претендующий на исчерпывающую полноту, занял в моей монографии «Экология русского языка» (Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.) четыре страницы (с. 23—26). Поэтому в своей краткой статье ограничусь проблемой рамок (или контура) предметного поля лингвозкологии.

Для установления этих рамок полезно, как и во многих других случаях, обратиться к философии, ибо хорошая философия, в моем представлении, — это высший уровень здравого смысла, высший уровень проникновения в суть вещей. Недаром выдающийся французский философ Гастон Башляр считал, что научная мысль «нуждается в философском руководстве» [Башляр 1987: 166]. Близкие мысли высказывали и другие зарубежные и русские философы (см., напр.: [Ясперс <http://>; Франк <http://>; Лосев 1991: 213—214; Розанов 2008а: 131; Розанов 2008б: 151; Панарин 2002: 222; Гиренок 2012]).

Очень точно и убедительно, в виде обобщающего суждения, высказался по интересующему нас вопросу крупнейший философ XX в. Мартин Хайдеггер: «Сохранение и возрастание характеризуют неотрывные друг от друга основные тяготения жизни. Сущность жизни немислима без желания роста, возрастания. Сохранение жизни всегда служит возрастанию. **Если жизнь ограничивается самосохранением, она деградирует** (выделено мной. — А. С.)» [Хайдеггер 1993: 185]. Если распространить это обобщающее суждение на рассматриваемую нами область (жизнь языка), то станет оче-

видной ограниченность такого понимания предмета лингвозкологии, которое сводится к изучению негативных процессов, происходящих в языке и речи. А такой крен в сторону изучения деградационных процессов в языке и речи при невнимании к созидательным процессам наблюдается в дефинициях лингвозкологии у многих авторов (см. обзор дефиниций лингвозкологии в [Сущенко 2011: 57—61]; см. также определения лингвозкологии в терминологических словарях [Словарь социолингвистических терминов 2006: 106; Матвеева 2010: 189; Стариченко 2008: 287; Жеребило 2010: 182]). Этот факт, как и суждения выдающихся философов, делают обоснованным включение в предмет лингвозкологии вопросов позитивного развития языка, его творческого совершенствования и пополнения, что и нашло отражение в нашей упомянутой выше дефиниции лингвозкологии.

Философия помогает нам также понять, что в предметное поле лингвозкологии должна быть включена национальная языковая картина мира, национальное языковое сознание. Дело в том, что язык и сознание — взаимообусловленные сущности. Фактически эта мысль содержится в широко известном высказывании Карла Маркса, что «язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание» [Маркс, Энгельс 1955: 29]. А Ханс-Георг Гадамер обращал внимание на то, что «на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир <...>. Язык, в среде которого вырастает человек, определяет вместе с тем его связь с миром и отношение к нему» [Гадамер 1988: 263]. Отсюда следует, что лингвозкология призвана заниматься не только сбережением и развитием языка как семиотической системы, но и сбережением и развитием национального языкового сознания, национальной языковой картины мира. И это тоже отражено в нашем определении лингвозкологии.

Есть основание полагать, что в предмет лингвозкологии должно быть включено рассмотрение с экологических позиций не только языковых единиц, но и целых текстов, прежде всего текстов классической художественной литературы как хранилища и продуцента эталонного (элитного, полнофункционального) литературного языка и национального менталитета, а также инструмента познания «тонких миров». И в первую очередь тексты классической поэзии, поскольку «именно литература, поэзия в частности, обладает способностью проникать в

самые глубокие уровни реальности, открывать то, что порой закрыто даже для философии» [Мамлеев 2009: 173]. Недаром народный поэт Татарстана Ренат Харис, характеризуя гениальную оду Гавриила Державина «Бог», говорит, что Державин «осмелился описать неопишемое, объяснить необъяснимое» [Харис 2018], то есть, говоря сугубо прозаически, подчеркивает гносеологическую мощь державинского текста.

Видный философ нашего времени Э. В. Ильенков, полагая, что человеческие чувства не поддаются моделированию на языке математики и кибернетики, заметил: «Так ли уж необходимо его (чувство. — А. С.) „моделировать“ на языке математики и кибернетики? Человечество ведь давно создало весьма совершенный язык, на котором это чувство моделируется гораздо более успешно. Язык настоящей поэзии, настоящей музыки, настоящей живописи. Хороший, точный язык и, главное, понятный» [Ильенков 2014: 115—116]. По сути об этом же говорят философы С. Л. Франк и С. Н. Булгаков. С. Л. Франк: «Человеческое слово само проистекает из „слова Божия“ — из Слова, которое „*вначале было у Бога*“ и „*само было Богом*“, — из Логоса, — и есть его отображение, хотя и несовершенное. Об этом свидетельствует уже та форма человеческого слова, в которой оно является в своей полноценности, — поэзия, которая по своему существу не есть ни отвлеченное определение в понятиях или „объективное описание“ предметной реальности, ни чисто субъективное самовысказывание, „исповедь“ поэта как человека, а есть **человеческое откровение тайны первореальности во всей ее — ускользающей от „прозаического“ слова глубине и значительности; она есть некая подслушанная и переданная поэтом „херувимская песнь“ о реальности — голос самой реальности, говорящей о себе самой** (выделено мной. — А. С.)» [Франк 1990: 478]. А С. Н. Булгаков познавательную роль поэзии утверждает цитатой из поэтической книги А. А. Фета «Вечерние огни»:

Как бѣден наш языкъ: хочу и не могу!

Не передать того ни другу, ни врагу,

Что буйствует в груди прозрачною

ВОЛНОЮ:

Напрасно вечное томление сердец!

И клонит голову маститую мудрец

Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова

звук

Хватает на лету и закрепляет вдруг

И темный бред души и трав неясный

запах...[Булгаков 1994: 320].

Из сказанного выше вытекает лингво-экологическая задача — хранить и популяризировать литературно-художественную, прозаическую и в особенности поэтическую классику; поддерживать творчество начинающих талантов (не графоманов!), памятуя, что «поэзия — нежнейший цветок культуры, в поэзии культура находит свой интимный язык, и тот, кто не владеет *этим* языком, для того закрыто самое главное в культуре. Изучить все новые языки и все древние и не усвоить себе единого и величайшего из языков — язык поэтов, — это значит остаться очень далеко от истинной культуры» [Эрн 1991: 119].

Четвертый вопрос.

О междисциплинарности лингвоэкологии

По сути дела вопрос о междисциплинарности лингвоэкологии не дискуссионен, так как эта междисциплинарность очевидна. Само наименование этой науки содержит в себе указание на эту особенность лингвоэкологии, на ее своего рода гибридность (экология плюс лингвистика). Тем не менее лингвоэкологам приходится обращаться при решении своих задач и к другим наукам. Перечисляя такие науки, исследователи называют разное количество частично не совпадающих дисциплин. Так, например, С. А. Актуганова отмечает связь лингвоэкологии с психолингвистикой, этнолингвистикой, лингвистической антропологией, социолингвистикой и социологией языка, этикой, эстетикой и философией [Актуганова [http](#)]; Е. В. Семчук полагает, что «ЛЭ взаимодействует с языкознанием, с социо-, психо-, этнолингвистикой, герменевтикой, экологией, биологией, культурологией, этикой, педагогикой, методикой языка и культурой речи» [Семчук 2014], причем эти перечни ничем не аргументированы. По мнению В. П. Коровушкина, «в лингвоэкологическую матрицу входят следующие „донорские“ науки:

– **нелингвистические науки:** экология (биология, социэкология, экология культуры), антропология, этология, культурология, культурная антропология, социология, этнопсихология, история (народа и государства), политология;

– междисциплинарные науки с лингвистическим компонентом: лингвоантропология / антропологическая лингвистика, этнолингвистика, социолингвистика (включая языковую политику и языковое планирование), юрислингвистика, лингвокриминология, психолингвистика, социопсихолингвистика, лингвокогнитология, лингвострановедение, лингвокультурология, теория культуры речи, социолектология, социолексикография;

— *лингвистические науки*: история языка, дисциплины, изучающие языковые контакты и смешение языков; билингвология; семантика; стилистика; лексикология; лексикография; жаргонология; арготология; коллоквиалистика и все более частные дисциплины, исследующие отклонения от литературной нормы на всех языковых уровнях, прежде всего нестандартная лексика, фразеология и паремиология, которые входят в системы профессиональных и корпоративных субязыков и социолектов, а также субкультур, особенно маргинальных (девиантных и антисоциальных)» [Коровушкин 2011: 61].

Как видим, различия между этими списками дисциплин-контактеров велики, и можно представить себе и другие варианты такого рода перечней. Представляется, что при решении вопроса о том, какие дисциплины входят в «лингвозекологическую матрицу», целесообразно придерживаться следующих соображений.

Во-первых, считать перечень научных дисциплин-контактеров незакрытым и варьирующимся в зависимости от целей, аспектов и условий проводимого исследования. Во-вторых, дифференцировать контактирующие дисциплины с выделением **базовых дисциплин** (экология и лингвистика во всех их разновидностях) и дисциплин, необходимость контакта с которыми обладает значительной степенью вероятности. Как говорит опыт наших наблюдений, это прежде всего философия языка, социология, социолингвистика, культурология, лингвокультурология, этнопсихология, история, когнитология, лингвокогнитология, политология, политическая лингвистика, этика и эстетика — их можно назвать **парабазовыми дисциплинами**; и прочие дисциплины — назовем их **дисциплинами ситуативной необходимости**. Подчеркну, что обращение лингвозекологии к тем или иным дисциплинам обусловлено главным образом прагматической исследовательской ситуацией. Так, если исследуется смысловая амбивалентность ключевых слов политического дискурса, особенно идеологем, характерных для той или иной эпохи, то придется обратиться прежде всего к истории страны и народа данного периода, к идеям и понятиям социологии, когнитологии, политологии, политической лингвистики, экономики, этики. При рассмотрении проблемы внешних заимствований — к истории, истории культуры, этнопсихологии, экономике, политологии, теории моды, эстетике. И так далее. Следует также иметь в виду, что в любом лингвозекологическом исследовании проекция проблемы в область философии может оказаться

весьма полезной. Так междисциплинарность лингвозекологии оборачивается ее полидисциплинарностью.

При решении рассматриваемого вопроса следует также иметь в виду, что речь должна идти о потребностях лингвозекологии, а не о потребностях дисциплин — кандидатов в контактеры. Покажем это на примере. Так, В. И. Шаховский пишет: «...вскоре подняли вопрос о коммуникативных эмоциональных ситуациях общения, об эмотивной, этологической, экологической функциях языка, а затем и о его терапевтической функции. Постепенно исследователи пришли к мысли о том, что эта функция языка очень тесно связана со здоровьесохранительной деятельностью человека, в том числе и через язык. Таким образом, валеология как наука о сохранении здоровья человека переплелась и с терапевтической функцией языка, и стало возможным выделить как отдельное научное направление лингвозекологию языка» [Шаховский 2015: 12]. Получается, что валеология породила лингвозекологию, которая, таким образом, оказывается ее «дочерним предприятием» и «служанкой». Между тем лингвозекология «родилась» раньше валеологии, и ее задачей является сохранение «здоровья» языка, а не здоровья человека, что является прерогативой и задачей прежде всего медицины; хотя лингвозекология, как и многие другие науки (например, психология, психолингвистика, социолингвистика, когнитология), имеет **опосредованное** отношение к психическому здоровью человека. Поэтому нет оснований включать лингвозекологию в область (домен) валеологии, тем более что последняя имеет сомнительный научный статус. Имея в виду сказанное, и нужно решать, в контактах с какими дисциплинами **заинтересована лингвозекология и соответственно этому выделять дисциплины, входящие в круг лингвозекологической междисциплинарности**.

Пятый вопрос. О соотношении лингвозекологии и лингвистики информационно-психологической войны

Этот вопрос тесно примыкает к предыдущему, являясь, собственно говоря, его частью. Здесь нужно иметь в виду, что лингвистика информационно-психологической войны со стороны целеполагания является частью политической лингвистики. Однако те языковые новации, которые возникают как следствие информационно-психологической войны (далее ИПВ), не могут не интересовать лингвозекологию, так как имеют прямое отношение либо к процессу засорения языка (чаще всего), либо к процессу его обогаще-

ния (что происходит значительно реже и преимущественно в виде появления новых терминов).

Так, например, как следствие ИПВ в русскую речь хлынули многочисленные словесные политические ярлыки типа *ватники, колорады, совки, биомасса, майданутые, либерасты, дерьмократы, гайдареныши, ельциноиды* и проч. Многие из этих ярлыков вышли за пределы окказионального употребления и стали фактически узуализмами, что, кстати, говорит о количественном росте потенциальных средств языковой агрессии в системе языка.

К средствам языковой негативации, нарушающим этико-речевую норму, относятся также разного рода иронические, часто оскорбительные, наименования, прозвища, клички, использующиеся в современном политическом дискурсе: *Азипа, Рашка, Путлер, Зюгашвили, ПарАшенко, Эльцинд, Рыжий / Ржавый Толик, Чубаучер, Жирик, Кепка* (Лужков), *Пургинян* (Кургинян), *Айфон* (Медведев) и т. п., а также некоторые аббревиатуры: *ЕБН, ВВП*.

В сферу интересов лингвоэкологии включаются также смысловые трансформации и искажения ряда характерных для политического дискурса слов, в том числе искажения манипулятивного характера, которые происходят в результате делящегося иногда десятилетиями идеологического противостояния разных сегментов российского социума. Некоторые ранее стилистически нейтральные слова приобретают негативно-оценочные коннотации или негласно табуируются.

Сравним показания словарей и современной речевой практики, например, для таких слов, как *русские / россияне, элита, национализм*.

Русские / Россияне

В словарях: «Русские <...> Нация, основное население РСФСР, а также лица, относящиеся к этой нации» [Словарь русского языка 1987, т. 3: 742]; «Россиянин <...> Устар. и высок. Русский» [Там же: 732]; «Русские <...> Восточнославянский народ, составляющий основное население России, представители этого народа» [Большой толковый... 1998: 1134], «Россияне <...> Жители, граждане России» [Там же: 1129]; «Русские <...> Народ, составляющий основное коренное население России» [Толковый... 2011: 844], «Россияне <...> 1. То же, что русские (устар., обычно высок.). 2. Общее название населения России» [Толковый... 2011: 840].

В современной публицистике: Это теперь стали подозрительно относиться

к словам и, чтобы никого не обидеть, стали говорить „россияне“ (Литературная Россия. 01.11.1991); ...Само слово „русский“ в течение последних лет как бы табуировано, фактически изгнано из лексикона власти (Завтра. 2006. № 36); Все время прослеживается стремление ныне власть имущих подменить русских безлико официальными „россиянами“... (Русский Вестник. 1996. № 26); С тех пор как советский народ переименовали в совок, коммунизм и социализм обсмеяли, а русский народ тихо слили в российский, в моде стали ругательные оценки... (Литературная газета. 2010. № 30); „Такое понятие, как русский народ, должно исчезнуть вообще“ — Аллен Даллес. Наше правительство всеми силами, правдами и неправдами пытается воплотить эту идею в жизнь, создать новый народ „россияне“, который станет хозяином Русской земли, по образу и подобию Америки (PontiusPilat. Русские или Россияне? URL: https://pikabu.ru/story/russkie_ili_rossiyane_2196695).

Таким образом, можно заметить, что в настоящее время в многозначном слове «россияне» на первое место вышло значение «общее название населения России», а «россияне» в значении «русские» передвинулось на второе место, сохранив квалификацию «устаревшее», но в значительной степени лишившись стилистического оттенка высокого стиля. Наблюдается также, по крайней мере в речевой практике власти, тенденция вытеснить из употребления слово «русские», заменив его «россиянами».

Элита

В словарях: «1. Лучшие, отборные экземпляры, сорта каких-л. растений, животных, получаемые путем селекции.<...> 2. Лучшие представители общества или какой-л его части» [Словарь русского языка 1988, т. 4: 758]; «1. Лучшие представители общества или какой-л. его части <...> || Обычно ирон. Привилегированный слой общества; избранные <...> 2. Спец. Лучшие, отборные экземпляры, сорта каких-л растений, животных, получаемые путем селекции <...>» [Большой толковый... 1998: 1521]; «1. Лучшие растения, семена или животные, по своим качествам наиболее пригодные для разведения, воспроизводства. 2. Лучшие представители какой-н. части общества, группировки, а также люди, относящиеся к верхушке какой-н. организации, группировки (книжн.)» [Толковый... 2011: 1125].

В современной публицистике: Но вряд ли были годы в истории страны подлее по отношению к своему народу, чем 90-е годы XX века, когда накипь превратилась в богачей и назвала себя элитой (Комсомоль-

ская правда. 20—27 февр. 2014 г.); *Истоки предательства, истоки этого компрадорского поведения элит сходятся в одной дате — августе 2014 года* (Завтра. 2013. № 52); ...*Эти люди все равно не могут быть национальной элитой, потому что они не ощущают себя ответственными за остальных, за менее имущих* (Известия. 2010. № 197); *Эти элиты, как показали годы безвремения, оказались пострашнее всех агрессоров, вместе взятых* (Аргументы и факты. 2013. № 25); ...*Высшая элита сознательно обслуживает капиталистический проект по самоуничтожению России* (Литературная газета. 2013. № 27) и т. п.

Видно, что наблюдается тенденция выхода на первое место политического значения слова «элита», причем, согласно показаниям некоторых словарей и публицистических текстов, слово «элита» в этом значении используется с оттенком иронии, а иногда и сарказма.

Национализм

В словарях: «1. Реакционная буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, основывающаяся на идеях превосходства и исключительности какой-л. нации и оправдывающая господство одних наций над другими <...> 2. Национальное движение в поработанных странах за национальную независимость против империализма, колониализма» [Словарь русского языка 1986, т. 2: 413]; «1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам. <...> 2. Проявление чувства национального превосходства, идей национального антагонизма, национальной замкнутости <...>» [Большой толковый... 1998: 152]; «1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим. 2. Проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости <...>» [Толковый... 2011: 500].

Таким образом, толковые словари как советского, так и постсоветского времени, отражающие официальную точку зрения, предъявляют дефиниции лексического значения слова «национализм», однозначно характеризующие его как социально негативное и вредное явление, сближая его с понятиями шовинизма и нацизма.

Однако **в современной публицистике** можно встретить много случаев положительной трактовки сути национализма. Приведем несколько примеров: ...*Многие, даже высокопоставленные чиновники путают*

нацизм и национализм, не видят между ними разницы. Но если с тем, что нацизм разрушителен для нации, можно согласиться, то без здорового национализма не может существовать ни нация, ни народ. Как раз здоровый национализм создает нацию, а не наоборот (Литературная газета. 2014. № 1—2); ...*Многие, начиная с высоких думских чинов, стремятся наполнить национализм самым черным смыслом, превращая категорию в жупел. Между тем, не понимая или ложно толкуя термин „национализм“, невозможно воспитать национальное самосознание* (Русский вестник. 2014. № 25); ...*Национализм важнее, чем патриотизм, потому что это любовь к своему народу, а патриотизм — это любовь к месту своего рождения или жизни, или любовь к своей стране. Эти вещи тоже взаимосвязаны, но тут тоже должна быть иерархия, а в основе всего — любовь к своему народу* (Русский вестник. 2015. № 2); *Созидательный национализм — это богатая и сильная Россия для всех, кто ее любит. Это защита русской культуры. Это разумное самоограничение новой буржуазии и правящей элиты в пользу бедных слоев населения. Глубокие реформы невозможны без национальной мобилизации* (Аргументы и факты. 2015. № 25); *В связи с многими событиями, происходящими сегодня в Греции и других странах Европейского союза, я, как и многие, считаю, что единственным ответом как для моей Родины, так и для всей Европы, является национализм. Несомненно, только национальное правительство может дать свободную страну, сможет избавить от страха перед нелегальными мигрантами, сможет противостоять агрессии на экономическом уровне, остановит моральное, культурное унижение народа* (Завтра. 2013. № 52).

На неадекватность понимания и толкования слова «национализм» обращает внимание, например, известный социолог и культуролог Ксения Касьянова (В. Ф. Чеснокова) в своей монографии «О русском национальном характере»: «Надо сказать, что у нас до сего времени в обыденном сознании постоянно путаются понятия „национализм“ и „нацизм“, и на первое понятие автоматически переносятся отрицательные характеристики второго. Поэтому до сих пор мы боимся говорить открыто и свободно о национальных принципах, национализме как защите национальной культуры не только от нападков извне, но и от внутреннего ослабления и разрушения, которые неизбежно сопутствуют такой боязни обсуждения национальных проблем» [Касьянова 2003: 509].

Интересны и убедительны суждения авторитетных в России людей о двух типах национализма, например: «Да, непримиримые формы всякого, без исключения всякого на Земле национализма есть болезнь. И больной национализм опасен, вреден прежде всего для своего же народа. Но не за крайней гневливой бранью, а совестящим вразумлением можно и нужно обращать его в национализм строительный, созидательный. Без которого ни один народ в истории не выстроил своего бытия» [Солженицын... 1998: 150—151]. Мысль о двух типах национализма нашла отражение даже в учебной литературе (см., напр.: [Исаев, Баранов 2012: 416—417]).

У некоторых позитивно окрашенных или стилистически нейтральных слов и устойчивых словосочетаний формируется двойная, позитивно-негативная, оценочная коннотация по причине противоположного отношения к обозначаемым ими феноменам со стороны конфликтующих страт общества, а иногда из-за социальной дискредитации соответствующих слов-понятий (ввиду расхождения слова и дела). Эти альтернативные оценочные коннотации возникли, например, у таких слов, как *модернизация, демократия, реформа, толерантность, права человека, цивилизованные страны, общечеловеческие ценности, национальная идея* и др. Покажем это на нескольких примерах:

— В рамках пенсионной **реформы** введены повышенные взносы для предприятий с вредными либо тяжелыми условиями труда (Известия. 2014.06.05) — ср.: *Есть научные термины и есть перевод этих терминов на русский язык. Так, есть научный термин „реформа“. На русский язык переводится как „уничтожение“.* <...> *Точно так же слово „приватизация“ на современном русском языке означает „разграбление“* (Завтра. 2016. № 11);

— Соединенные Штаты приняли на себя обязательства **гарантировать фундаментальные права человека** в борьбе с терроризмом, в том числе право на честный суд, и запретить произвольное задержание (РИА «Новости». 2014.01.10) — ср.: *Обозревая ближайшее двадцатилетие нашей жизни, я поражаюсь, что не находится ни одного человека, который бросил бы нравственный вызов бессовестности сегодняшнего времени с его политическим курсом игры с правами человека. Все эти годы под разговоры о свободе совести разрушается право души быть нравственной...* (Литературная газета. 2006. № 15);

— *„Нам важно, чтобы будущие поколения воспитывались не на компьютерных играх,*

в которых люди охотятся на людей, а на книгах, прививающих общечеловеческие ценности“, — убежден Ильяз Муслимов (Комсомольская правда. 2011.04.01) — ср.: *...Но возвращалась армия в другую страну — страну Горбачева, который лепетал об общечеловеческих ценностях и о том, что Европа — наш общий дом. Очень скоро наш „общий дом“ Европа вместе с натовскими танками приблизился к Пскову, и общечеловеческими ценностями стали европейские гомосексуалисты, занявшие посты мэров и президентов* (Завтра. 2019. № 6);

— *Страна стабильна, если она чем-то или кем-то скреплена. В силу государственного устройства России страна должна управляться из единого центра. Другого никогда не было и, думаю, не будет. Но должна существовать идеология, разделяемая большинством населения, которая призвана объединять и скреплять этот гигантский механизм* (Аргументы и факты. 2016. № 19) — ср.: **Идеология**, будь то левая, правая, националистическая, консервативная, модернистская, какая угодно, не может решить ни одной проблемы (Известия. 2014.04.25);

— *Как показывают примеры самых разных стран, времени на это уходит немного, тем более что та самая глобализация, которая, как считается, губит отечественное производство, на самом деле играет ему на руку — технологии покупаются и продаются на мировом рынке свободно, а то самое страшное ВТО запрещает подобной купле-продаже препятствовать* (Известия. 2014.01. 22) — ср.: *Для этого самым левым следовало бы иметь современное (а не переписанное из публицистики позапрошлого века) представление о том, как устроен мир, из каких общественных классов на самом деле состоит так называемое постиндустриальное общество, что такое глобализация и почему ее идеология (фактически уже религия) так агрессивно „освобождает“ человека от морали, родины, профсоюза, церкви, семьи, литературы, театра и в конечном итоге — от самого себя как разумного существа* (Известия. 2014.01.27).

Заметим, что в данных оппозициях как позитивные, так и негативные коннотации слов-идеологем не окказиональны, а узуальные.

К большим лексико-фразеологическим утратам в языковом сознании нескольких поколений россиян привела многолетняя борьба атеистического правящего класса с православием, в частности выразившаяся в недопущении в школу филологического изучения Библии и церковнославянского языка

как одной из основ современного русского литературного языка. В результате из лексикона многих (очень многих) россиян ушли как «устаревшие» слова, обладающие высокой этической ценностью, такие как *благотворительный, добродетельный, душепитательный, целомудренный и целомудрие, нестяжательство, благоговение, воздержание, незлобивость, искупление* и многие другие. Такое языковое беспамятство свойственно нескольким поколениям русскоязычных россиян.

Процессы, происходящие в топонимике под влиянием идеологического противоборства, тоже не безразличны для лингвозкологии. Одну из ситуаций в этой области охарактеризую с помощью анекдота: «Уфологи гадают, почему инопланетяне с нами в контакт не вступают. А потому и не вступают, что попробуют понять, почему город называется Санкт-Петербург, а область вокруг него Ленинградская, и сойдут с ума» (АиФ. 2012. № 12). Россияне оказались крепче инопланетян: они не сходят с ума также и оттого, что Вятка стоит посреди Кировской области, Екатеринбург посреди Свердловской области, а в Красноярске одна из центральных улиц по-прежнему называется улицей Диктатуры Пролетариата. Кстати, автор этой статьи живет в Красноярске на улице Карла Маркса (бывшая Гостинская), в доме, на первом этаже которого располагается библиотека имени Ленинского комсомола (и все это — в капиталистической России!).

Разумеется, не может лингвозкология не реагировать на информационно-психологическую войну, объявленную русскому языку зарубежными и отечественными русофобами, которые доходят до призывов сделать английский язык языком российской высшей школы и даже фактически государственным языком Российской Федерации [Яковенко 2012] (реакцию на статью И. Г. Яковенко см. в публикациях: [Кирилина 2012; Кирилина 2013; Худиев [http](#)]). Не может также лингвозкология не реагировать на регулярное и планомерное сокращение часов, отводимых на преподавание русского языка и литературы в школе, в пользу преподавания английского языка, причем с самого раннего возраста, что чревато не только снижением грамотности, но и ментальными мутациями у молодого поколения россиян. Не зря еще А. А. Потебня предупреждал, что «знание двух языков в раннем возрасте не есть обладание двумя системами изображения и сообщения одного и того же круга мыслей, но раздвояет этот круг и наперед затрудняет достижение цельности мирозерцания, мешает научной абстракции» [Потебня 1993: 166—167]. И советовал, чтобы «ознакомле-

ние учащихся с иностранными языками начиналось лишь тогда, когда они достаточно укрепились в знании своего» [Там же: 169].

В этой связи нельзя не упомянуть такое массовое явление, как вывески торговых и других коммерческих предприятий в русских городах на английском языке без перевода на русский язык. Это свидетельствует об отсутствии у многих наших соотечественников, в том числе обладающих статусом муниципальных руководителей, чувства национального достоинства.

Упомянутые в последних двух пунктах явления диагностируют затянувшуюся социальную болезнь, которую известный мыслитель нашего времени Александр Александрович Зиновьев назвал *западнизмом* [Зиновьев 2008], а писатель и общественный деятель XVII в. Юрий Крижанич — *чужебием* [Крижанич [http](#)]. Думаю, что приведенных фактов достаточно, для того чтобы считать естественными и целесообразными тесные контакты лингвозкологии и лингвистики информационно-психологической войны.

Итак, на основании всего сказанного можно сделать такие краткие **выводы**.

1. Лингвозкология и эколингвистика не синонимы, а названия дисциплин, относящихся к разным научным сферам, имеющим разные объекты и задачи: лингвозкология — к сфере экологии, эколингвистика — к сфере лингвистики.

2. Лингвозкология и теория культуры речи — близкие по объекту, целям и методологии дисциплины с разными предметами и не совпадающими аксиологическими критериями. У лингвозкологии на первом плане — язык со всеми его уровнями в аспекте оппозиции концептов *вредно / полезно, перспективно / неперспективно*; у теории культуры речи на первом плане — речь во всех ее разновидностях в аспекте концептуальных оппозиций *правильно* (нормативно) / *неправильно* (ненормативно), *уместно* / *неуместно*, *эффективно* / *неэффективно*. Речевые факты интересуют лингвозкологию в той мере, в которой они нужны для экологических выводов в отношении языка.

3. Онтологическая полнота содержания понятия «лингвозкология» предполагает включение в него изучения не только деградиционных процессов, но и процессов положительного развития языка, а также состояния национального языкового сознания. Представляется также обоснованным включение в предметное поле лингвозкологии с ее специфическими задачами текстов прозаической и поэтической классики как хранителей и продуцентов эталонного литературного языка и национальной ментальности.

4. Перечень научных дисциплин-контактеров следует считать открытым и варьирующимся в зависимости от целей, аспектов и условий проводимого исследования. Дисциплины-контакты естественным образом делятся на **базовые дисциплины** (экология и лингвистика); **парабазовые дисциплины**, потребность в которых вероятно велика (философия языка, социология, социоллингвистика, культурология, лингвокультурология, этнопсихология, история, когнитология, лингвокогнитология, политология, политическая лингвистика, этика и эстетика), и прочие дисциплины, которые предлагается назвать **дисциплинами ситуативной необходимости**. Обращение лингвоэкологии к тем или иным дисциплинам обусловлено главным образом прагматической исследовательской ситуацией.

5. Контакты лингвоэкологии с лингвистикой информационно-психологической войны целесообразны и неизбежны, так как языковые новации, возникающие как следствие ИПВ, имеют прямое отношение либо к процессу засорения, порчи языка, либо (значительно реже) к процессу его обогащения. В проблематику лингвоэкологии вписываются, например, такие явления публичной коммуникации, как рост количества и разнообразия словесных политических ярлыков и прозвищ; изменение лексического значения некоторых слов-идеологем в направлении негативации обозначаемых ими феноменов; развитие у некоторых слов, характерных для политического дискурса, двойной (позитивно-негативной) эмоционально-оценочной коннотации; вопиющие идеологические противоречия в сфере топонимики, прежде всего городской; навязывание через средства массовой информации и по другим каналам не мотивированных необходимостью, но «модных» иноязычных заимствований и другие явления.

Представленные в статье ответы на предложенные вопросы требуют дальнейшего обсуждения с целью нахождения консенсусных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева К. А., Дзида Н. Н., Зяткова Л. Я. Этическая лингвоэкология человека нравственного : коллектив. моногр. — Тюмень : Вектор Бук, 2012. 160 с.
2. Акутуганова С. А. Основные направления современных лингвоэкологических исследований [Электронный ресурс] // Новое слово в науке: перспективы развития : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 мая 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары : ИИНС «Интерактив плюс», 2015. С. 253—255. URL: https://interactive-plus.ru/article/9138/discussion_platform (дата обращения: 20.04.2019).
3. Башляр Г. Новый рационализм : пер. с фр. / предисл. и общ. ред. А. Ф. Зотова. — М. : Прогресс, 1987. 376 с.
4. Бернацкая А. А. О трех аспектах экологии языка // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2003. № 4. С. 32—38.
5. Большой толковый словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб. : Норинт, 2004. 768 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
7. Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. — М. : Республика, 1994. 415 с.
8. Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. — М. : Прогресс, 1988. 704 с.
9. Гиленок Ф. И. Без надежды на успех // Литературная газета. 2012. № 52.
10. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение [Электронный ресурс] / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. — М. : Канон, 1995. 352 с. URL: <http://www.opente.xtnn.ru/man/?id=4447> (дата обращения: 20.04.2019).
11. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона : ок. 450 слов / под общ. рук. Р. И. Розиной. — М. : Азбуковник, 1999. 320 с.
12. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
13. Зиновьев А. А. Русская трагедия. — М. : Алгоритм : Эксмо, 2008. 608 с.
14. Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии. Что там, в Зазеркалье? — М. : Книжный дом «Либроком», 2014. 128 с.
15. Ионова С. В. Основные направления эколлингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вест. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 86—93.
16. Исаев Б. А., Баранов Н. А. Современная российская политика : учеб. пособие для бакалавров. — СПб. : Питер, 2012. 448 с.
17. Касьянова К. О русском национальном характере. — М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 560 с.
18. Кирилина А. В. Глобализация и судьба языков // Литературная газета. 2012. № 5.
19. Кирилина А. В. Останется ли русский великим и могучим? // Литературная газета. 2013. № 18.
20. Конишневич М. И. Экология языка и языковой личности в медиaprостранстве // Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. «Социальные и гуманитарные науки: образование и общество» (23 мая 2014 г.) / Новгород. филиал «Ун-та Рос. акад. образования». — Н. Новгород, 2014. С. 16—22.
21. Коровушкин В. П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестн. Череповец. гос. ун-та. Филологические науки. 2011. № 1. С. 60—64.
22. Крижанич Ю. Политика [Электронный ресурс]. URL: www.hrono.ru/libris/lib_k/krizh12.php (дата обращения: 20.04.2019).
23. Курашкина Н. А. Истоки и пути развития эколлингвистики [Электронный ресурс] // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2016а. Т. 15. С. 246—250. URL: <https://e-koncept.ru/2016/86950.html> (дата обращения: 19.04.2019).
24. Курашкина Н. А. Основные направления современной российской эколлингвистики [Электронный ресурс] // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2016б. Т. 2. С. 166—170. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm> (дата обращения: 19.04.2019).
25. Курашкина Н. А. Эколлингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 143—156.
26. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М. : Политиздат, 1991. 525 с.
27. Мамлеев Ю. В. Русские походы в тонкий мир. — М. : АСТ : Зебра Е, 2009. 254 с.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. — М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1955. Т. 3. С. 11—81.
29. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д. : Феникс, 2010. 562 с.
30. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб. : Норинт, 2001. 720 с.
31. Ницше Ф. Так говорил Заратустра [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt> (дата обращения: 20.04.2019).

32. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
33. Потебня А. А. Язык и народность // Мысль и язык / А. А. Потебня. — Киев: Синто, 1993. С. 158—185.
34. Потеряхина И. Н. Лингвоэкологические характеристики англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2015. 185 с.
35. Потеряхина И. Н. Лингвоэкологические характеристики англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2015. 25 с.
36. Потеряхина И. Н. Теоретические основы эколлингвистических исследований [Электронный ресурс]. URL: <https://pglu.ru/upload/iblock/e38/p30037.pdf> (дата обращения: 19.04.2019).
37. Розанов В. В. Философские влияния в русском обществе // Собр. соч. Природа и история (статьи и очерки 1904—1905 гг.) / В. В. Розанов; под общ. ред. А. Н. Николюкина; сост. А. Н. Николюкина, П. П. Апрышко, О. В. Быстровой. — М.: Республика; СПб.: Росток, 2008а. С. 119—129.
38. Розанов В. В. Две философии (критическая заметка) // Собр. соч. Природа и история (статьи и очерки 1904—1905 гг.) / под общ. ред. А. Н. Николюкина; сост. А. Н. Николюкина, П. П. Апрышко, О. В. Быстровой. — М.: Республика; СПб.: Росток, 2008б. С. 149—152.
39. Семчук Е. В. Лингвоэкология как междисциплинарная наука [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 1233—1235. URL: <https://moluch.ru/archive/63/9073/> (дата обращения: 01.06.2019).
40. Сковородников А. П. Экология русского языка: моногр. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.
41. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. П—Р / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1987. 752 с.
42. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. С—Я / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1988. 800 с.
43. Словарь социоллингвистических терминов. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. 312 с.
44. Солженицын А. И. Россия в обвале. — М.: Русский путь, 1998. 208 с.
45. Стариченко В. Д. Большой лингвистический словарь. — Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 811 с.
46. Сущенко Е. А. Педагогическая лингвоэкология как фактор безопасности жизнедеятельности субъектов образовательного процесса: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — СПб., 2013. 60 с.
47. Сущенко Е. А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / под ред. д-ра пед. и филол. наук, проф. Л. Г. Татарниковой. — СПб.: Петрополис, 2011. 424 с.
48. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.
49. Франк С. Л. Непостижимое // Соч. / С. Л. Франк. — М.: Правда, 1990. С. 183—528.
50. Франк С. Л. Русское мировоззрение [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriotica.ru/reli_gion/frank_rus_mir_.html (дата обращения: 20.04.2019).
51. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: АСТ-ЛТД, 1998. 698 с.
52. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. — М.: Гнозис, 1993. С. 168—217.
53. Харис Р. Великое поэтическое изъяснение великих таинств. Ода «Бог» Гавриила Державина достойна переводов на все языки // Литературная газета. 2018. № 29.
54. Худиев Сергей. Туземная философия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/52354.html> (дата обращения: 20.04.2019).
55. Шаховский В. П. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности [Электронный ресурс] // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 11—18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/emotsionalnaya-kommunikatsiya-kak-moderator-modusa-ekologichnosti> (дата обращения: 19.04.2019).
56. Эрн В. Ф. Борьба за Логос. Культурное непонимание // Соч. / В. Ф. Эрн. — М.: Правда, 1991. С. 109—126.
57. Яковенко И. Г. Что делать? [Электронный ресурс] // Новая газета. 2012. № 29. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/03/15/48804-cto-delat> (дата обращения: 19.04.2019).
58. Ясперс К. Т. Введение в философию [Электронный ресурс]. URL: https://www.ereading.club/bookreader.php/96538/Yaspers._Vvedenie_v_filosofiyu.html (дата обращения: 19.04.2019).
59. PontiusPilat. Русские или Россияне? [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/russkie_ili_rossiyane_2196695 (дата обращения: 19.04.2019).

A. P. Skovorodnikov

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0171-596x

 E-mail: skapnat@mail.ru.

On Some Unanswered Questions of the Linguo-Ecological Theory

ABSTRACT. *The article contains answers to the questions raised for discussion at the Russian Scientific Seminar “Ecology of Language and Modern Communicative Practices”, held in April 23—24, 2019 at the Siberian Federal University. Taking into account the growing interest of the world scientific community in ecological issues, and specifically, in the ecology of language and its various interpretations, as well as in the concepts of its subject area, the seminar organizers suggested the following questions (topics) for discussion: 1) linguoecology or ecolinguistics: identical or different?; 2) linguoecology and speech culture: distinction between the concepts; 3) substantiation of the subject field of linguoecology / ecolinguistics; 4) interdisciplinarity of linguoecology / ecolinguistics; 5) areas of linguoecological / ecolinguistic research in Russia and abroad; 6) relationship between ecology of language and linguistics of information and psychological warfare. The article provides a brief justification of the author’s point of view on the solution of the questions raised, except for the fifth one which requires a detailed analytical review. The author hopes that the discussion of these issues will continue on the pages of the journal.*

KEYWORDS: *linguoecology; ecolinguistics; ecology of language; speech culture; subject field; interdisciplinarity; information and psychological warfare.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

FOR CITATION: *Skovorodnikov, A. P. On Some Unanswered Questions of the Linguo-Ecological Theory / A. P. Skovorodnikov // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 12-25. — DOI 10.26170/pl19-05-01.*

REFERENCES

1. Andreeva K. A., Dzida N. N., Zyat'kova L. Ya. Ethical Linguoecology of Moral Man : collective. monograph. — Tyumen : Vector Beech, 2012. 160 p. [Eticheskaya lingvoekologiya cheloveka nravstvennogo : kollektiv. monogr. — Tyumen' : Vektor Buk, 2012. 160 s.]. — (In Rus.)
2. Aktuganova S. A. The Main Directions of Modern Linguoecological Research [Electronic resource] // A New Word in Science: Development Prospects: Materials of the IV Intern. scientific-practical conf. (Cheboksary, May 29, 2015) / editorial: O. N. Shirokov [et al.]. — Cheboksary : Central nervous system "Interactive plus", 2015. P. 253—255. [Osnovnye napravleniya sovremennykh lingvoekologicheskikh issledovaniy // Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya : materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 29 maya 2015 g.) / redkol.: O. N. Shirokov [i dr.]. — Cheboksary : TsNS «Interaktiv plus», 2015. S. 253—255]. URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/9138/discussion_platform (date of access: 20.04.2019). — (In Rus.)
3. Bashlyar G. New Rationalism : transl. from Fr. / foreword and commonly., ed. by A. F. Zotov. — Moscow : Progress, 1987. 376 p. [Novyy ratsionalizm : per. s fr. / predisl. i obshch. red. A. F. Zotova. — M. : Progress, 1987. 376 s.]. — (In Rus.)
4. Bernatskaya A. A. On Three Aspects of the Ecology of Language // Journal of Krasnoyarsk State Univ. Humanitarian Sciences. 2003. No. 4. P. 32—38. [O trekh aspektakh ekologii yazyka // Vestn. Krasnoy. gos. un-ta. Gumanitarnye nauki. 2003. № 4. S. 32—38]. — (In Rus.)
5. A Large Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Expressive Speech. — St. Petersburg : Norint, 2004. 768 p. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi. — SPb. : Norint, 2004. 768 s.]. — (In Rus.)
6. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and ch. ed. by S. A. Kuznetsov. — St. Petersburg : Norint, 1998. 1536 p. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 1998. 1536 s.]. — (In Rus.)
7. Bulgakov S. N. Non-evening Light: Contemplation and Speculation. — Moscow : Republic, 1994. 415 p. [Svet nevecherniy: sozertsaniya i umozreniya. — M. : Respublika, 1994. 415 s.]. — (In Rus.)
8. Gadamer Kh. G. Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics. — Moscow : Progress, 1988. 704 p. [Istina i metod. Osnovy filosofskoy germenevtiki. — M. : Progress, 1988. 704 s.]. — (In Rus.)
9. Girenok F. I. Without Hope of Success // Literary Newspaper. 2012. No. 52. [Bez nadezhdy na uspekhi // Literaturnaya gazeta. 2012. № 52]. — (In Rus.)
10. Dyurkgeym E. Sociology. Its Subject, Method, Purpose [Electronic resource] / transl. from Fr., comp., afters. and approx. by A. B. Hoffmann. — Moscow : Canon, 1995. 352 p. [Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie / per. s fr., sost., poslesl. i prim. A. B. Gofmana. — M. : Kanon, 1995. 352 s.]. URL: <http://www.opente.xtnn.ru/man/?id=4447> (date of access: 20.04.2019). — (In Rus.)
11. Ermakova O. P., Zemskaya E. A., Rozina R. I. Words that We All Met: Explanatory Dictionary of Russian General Jargon : approx. 450 words / under total. chief of R. I. Rozina. — Moscow : Azbukovnik, 1999. 320 p. [Slova, s kotorymi my vse vstrechalis': tolkovyy slovar' russkogo obshchego zhargona : ok. 450 slov / pod obshch. ruk. R. I. Rozinoy. — M. : Azbukovnik, 1999. 320 s.]. — (In Rus.)
12. Zherebilo T. V. Dictionary of Linguistic Terms. Ed. 5th, fix and add. — Nazran : Pilgrim, 2010. 486 p. [Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop. — Nazran' : Pilgrim, 2010. 486 s.]. — (In Rus.)
13. Zinov'ev A. A. Russian Tragedy. — Moscow : Algorithm : Eksmo, 2008. 608 p. [Russkaya tragediya. — M. : Algoritim : Eksmo, 2008. 608 s.]. — (In Rus.)
14. Il'enkov E. V. On the Aesthetic Nature of Fantasy. What is There in the Looking Glass? — Moscow : Book House Librocom, 2014. 128 p. [Ob esteticheskoy prirode fantazii. Chto tam, v Zerkale? — M. : Knizhnyy dom «Librocom», 2014. 128 s.]. — (In Rus.)
15. Ionova S. V. The Main Directions of Ecolinguistic Research: Foreign and Domestic Experience // Proceedings of Volgograd State Univ. Ser. 2. Linguistics. 2010. No. 1 (11). P. 86—
93. [Osnovnye napravleniya ekolingvisticheskikh issledovaniy: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt // Vest. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2. Yazykoznanie. 2010. № 1 (11). S. 86—93]. — (In Rus.)
16. Isaev B. A., Baranov N. A. Contemporary Russian Politics : teaching aid for bachelors. — St. Petersburg : Peter, 2012. 448 p. [Sovremennaya rossiyskaya politika : ucheb. posobie dlya bakalavrov. — SPb. : Piter, 2012. 448 s.]. — (In Rus.)
17. Kas'yanova K. On the Russian National Character. — Moscow : Academic Project ; Ekaterinburg : Business Book, 2003. 560 p. [O russkom natsional'nom kharaktere. — M. : Akademicheskiiy proekt ; Ekaterinburg : Delovaya kniga, 2003. 560 s.]. — (In Rus.)
18. Kirilina A. V. Globalization and the Fate of Languages // Literary Newspaper. 2012. No. 5. [Globalizatsiya i sud'ba yazykov // Literaturnaya gazeta. 2012. № 5]. — (In Rus.)
19. Kirilina A. V. Will the Russian Remain Great and Powerful? // Literary Newspaper. 2013. No. 18. [Ostanetsya li russkiy velikim i moguchim? // Literaturnaya gazeta. 2013. № 18]. — (In Rus.)
20. Konyushkevich M. I. Ecology of Language and Linguistic Personality in the Media // Materials of the V Intern. scientific-practical Conf. "Social and Human Sciences: Education and Society" (May 23, 2014) / Novgorod branch of the University of Rus. Acad. of Education. — N. Novgorod, 2014. P. 16—22. [Ekologiya yazyka i yazykovoy lichnosti v mediaprostranstve // Materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Sotsial'nye i humanitarnye nauki: obrazovanie i obshchestvo» (23 maya 2014 g.) / Novgorod. filial «Un-ta Ros. akad. obrazovaniya». — N. Novgorod, 2014. S. 16—22]. — (In Rus.)
21. Korovushkin V. P. The Main Attributes of Linguoecology as an Autonomous Interdisciplinary Branch of Linguistics // Journ. of Cherepovets State Univ. Philological Sciences. 2011. No. 1. P. 60—64. [Osnovnye atributy lingvoekologii kak avtonomnoy mezhdistsiplinarnoy otrasli yazykoznanija // Vestn. Cherepovets. gos. un-ta. Filologicheskie nauki. 2011. № 1. S. 60—64]. — (In Rus.)
22. Krizhanich Yu. Politics [Electronic resource]. [Politika]. URL: www.hrono.ru/libris/lib_k/krizh12.php (date of access: 20.04.2019). — (In Rus.)
23. Kurashkina N. A. Sources and Developmental Paths of Ecolinguistics [Electronic resource] // Concept : Scientific Method. electron. Journal. 2016a. Vol. 15. P. 246—250. [Istoki i puti razvitiya ekolingvistiki // Kontsept : nauch.-metod. elektron. zhurn. 2016a. T. 15. S. 246—250]. URL: <https://e-koncept.ru/2016/86950.htm> (date of access: 19.04.2019).
24. Kurashkina N. A. The Main Directions of Modern Russian Ecolinguistics [Electronic resource] // Concept : Scientific Method. Electron. Journal. 2016b. Vol. 2. P. 166—170. [Osnovnye napravleniya sovremennoy rossiyskoy ekolingvistiki // Kontsept : nauch.-metod. elektron. zhurn. 2016b. T. 2. S. 166—170]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm> (date of access: 19.04.2019).
25. Kurashkina N. A. Ecolinguistics or Linguoecology? The Terminological Dilemma of an Interdisciplinary Scientific Field // Ecology of language and Communicative Practice. 2015. No. 2. P. 143—156. [Ekolingvistika ili lingvoekologiya? Terminologicheskaya dilemma mezhdistsiplinarnoy nauchnoy oblasti // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 2. S. 143—156]. — (In Rus.)
26. Losev A. F. Philosophy. Mythology. The Culture. — Moscow : Politizdat, 1991. 525 p. [Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura. — M. : Politizdat, 1991. 525 s.]. — (In Rus.)
27. Mamleev Yu. V. Russian Campaigns in the Thin World. — Moscow : AST : Zebra E, 2009. 254 p. [Russkie pokhody v tonkiy mir. — M. : AST : Zebra E, 2009. 254 s.]. — (In Rus.)
28. Marks K., Engel's F. German Ideology // Works. — Moscow : State. Publ. House of Political Literature, 1955. Vol. 3. P. 11—81. [Nemetskaya ideologiya // Soch. — M. : Gos. izd-vo polit. literatury, 1955. T. 3. S. 11—81]. — (In Rus.)
29. Matveeva T. V. Complete Dictionary of Linguistic Terms. — Rostov on Don : Phoenix, 2010. 562 p. [Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov. — Rostov n/D. : Feniks, 2010. 562 s.]. — (In Rus.)
30. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Large Dictionary of Russian Slang. — St. Petersburg : Norint, 2001. 720 p. [Bol'shoy slovar' russkogo zhargona. — SPb. : Norint, 2001. 720 s.]. — (In Rus.)

31. Nietzsche F. So Said Zarathustra [Electronic resource]. [Tak govori Zarathustra]. URL: <http://lib.ru/NICSHE/zarathustra.txt> (date of access: 20.04.2019). — (In Rus.)
32. Panarin A. S. Orthodox Civilization in the Global World. — Moscow : Algorithm, 2002. 496 p. [Pravoslavnyaya tsivilizatsiya v global'nom mire. — M. : Algoritm, 2002. 496 s.]. — (In Rus.)
33. Potebnya A. A. Language and Nationality // Thought and Language / A. A. Potebnya. — Kiev : Shinto, 1993. P. 158—185. [Yazyk i narodnost' // Mysl' i yazyk / A. A. Potebnya. — Kiev : Sinto, 1993. S. 158—185]. — (In Rus.)
34. Poteryakhina I. N. Linguoecological Characteristics of English-speaking Virtual Corporate Communication : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Pyatigorsk, 2015. 185 p. [Lingvoekologicheskie kharakteristiki angloyazychnoy virtual'noy korporativnoy kommunikatsii : dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2015. 185 s.]. — (In Rus.)
35. Poteryakhina I. N. Linguoecological Characteristics of English-speaking Virtual Corporate Communication : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Pyatigorsk, 2015. 25 p. [Lingvoekologicheskie kharakteristiki angloyazychnoy virtual'noy korporativnoy kommunikatsii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2015. 25 s.]. — (In Rus.)
36. Poteryakhina I. N. Theoretical Foundations of Ecolinguistic Research [Electronic resource]. [Teoreticheskie osnovy ekologicheskikh issledovaniy]. URL: <https://pglu.ru/upload/iblock/e38/p30037.pdf> (date of access: 19.04.2019). — (In Rus.)
37. Rozanov V. V. Philosophical Influences in Russian Society // Collected Works. Nature and History (articles and essays of 1904—1905) / V. V. Rozanov ; under the general. ed. of A. N. Nikolyukina ; comp. A. N. Nikolyukin, P. P. Apryshko, O. V. Byistrova. — Moscow : Republic ; St. Petersburg : Rostock, 2008a. P. 119—129. [Filosofskie vliyaniya v russkom obshchestve // Sobr. soch. Priroda i istoriya (stat'i i ocherki 1904—1905 gg.) / V. V. Rozanov ; pod obshch. red. A. N. Nikolyukina ; sost. A. N. Nikolyukina, P. P. Apryshko, O. V. Byistrov. — M. : Respublika ; SPb. : Rostok, 2008a. S. 119—129]. — (In Rus.)
38. Rozanov V. V. Two Philosophies (Critical Note) // Collected Works. Nature and History (articles and essays of 1904—1905) / under the general. ed. of A. N. Nikolyukina ; comp. A. N. Nikolyukin, P. P. Apryshko, O. V. Byistrova. — Moscow : Republic ; St. Petersburg : Rostock, 2008b. P. 149—152. [Dve filosofii (kriticheskaya zametka) // Sobr. soch. Priroda i istoriya (stat'i i ocherki 1904—1905 gg.) / pod obshch. red. A. N. Nikolyukina ; sost. A. N. Nikolyukina, P. P. Apryshko, O. V. Byistrov. — M. : Respublika ; SPb. : Rostok, 2008b. S. 149—152]. — (In Rus.)
39. Semchuk E. V. Linguoecology as an Interdisciplinary Science [Electronic resource] // Young Scientist. 2014. No. 4. P. 1233—1235. [Lingvoekologiya kak mezhdistitsiplinarnaya nauka // Molodoy uchenyy. 2014. № 4. S. 1233—1235]. URL: <https://moluch.ru/archive/63/9073/> (date of access: 01.06.2019).
40. Skovorodnikov A. P. Ecology of the Russian Language : monograph. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2016. 388 p. [Ekologiya russkogo yazyka : monogr. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. 388 s.]. — (In Rus.)
41. Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 3. P — R / USSR Academy of Sciences, Inst. of lang ; under the editorship of A. P. Evgenieva. 3rd ed., Ster. — Moscow : Russian language, 1987. 752 p. [Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3. P—R / AN SSSR, In-t rus. yaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoy. 3-e izd., ster. — M. : Russkiy yazyk, 1987. 752 s.]. — (In Rus.)
42. Dictionary of the Russian Language. In 4 vol. Vol. 4. S — Ya / AN USSR, Institute of Rus. lang ; under the editorship of A. P. Evgenieva. 3rd ed., Ster. — Moscow : Russian language, 1988. 800 p. [Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4. S—Ya / AN SSSR, In-t rus. yaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoy. 3-e izd., ster. — M. : Russkiy yazyk, 1988. 800 s.]. — (In Rus.)
43. Dictionary of Sociolinguistic Terms. — Moscow : Inst. of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2006. 312 p. [Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. — M. : In-t yazykoznaniya RAN, 2006. 312 s.]. — (In Rus.)
44. Solzhenitsyn A. I. Russia in a Collapse. — Moscow : Russian Way, 1998. 208 p. [Rossiya v obvale. — M. : Russkiy put', 1998. 208 s.]. — (In Rus.)
45. Starichenok V. D. Large Linguistic Dictionary. — Rostov on Don : Phoenix, 2008. 811 p. [Bol'shoy lingvisticheskiy slovar'. — Rostov n/D. : Feniks, 2008. 811 s.]. — (In Rus.)
46. Sushchenko E. A. Pedagogical Linguoecology as a Factor of Life Safety of the Subjects of the Educational Process : synopsis of doctoral thesis ... of Pedagogy. — St. Petersburg, 2013. 60 p. [Pedagogicheskaya lingvoekologiya kak faktor bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti sub"ektiv obrazovatel'nogo protsessa : avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. — SPb., 2013. 60 s.]. — (In Rus.)
47. Sushchenko E. A. Dictionary and reference book of Linguo-environmental Terms and Concepts / ed. Dr. ped. and Philos. sciences, prof. L. G. Tatarnikova. — St. Petersburg : Petropolis, 2011. 442 p. [Slovar'-spravochnik lingvoekologicheskikh terminov i ponyatiy / pod red. d-ra ped. i folos. nauk, prof. L. G. Tatarnikovoy. — SPb. : Petropolis, 2011. 424 s.]. — (In Rus.)
48. Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information on the Origin of Words / RAS, Institute of Russian. lang n. a. V. V. Vinogradov ; resp. ed. N. Yu. Shvedova. — Moscow : Azbukovnik, 2011. 1175 p. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / RAN, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova ; otv. red. N. Yu. Shvedova. — M. : Azbukovnik, 2011. 1175 s.]. — (In Rus.)
49. Frank S. L. The Unknowable // Works / S. L. Frank. — Moscow : True, 1990. P. 183—528. [Nepostizhimoe // Soch. / S. L. Frank. — M. : Pravda, 1990. S. 183—528]. — (In Rus.)
50. Frank S. L. Russian Worldview [Electronic resource]. [Russkoe mirovozzrenie]. URL: http://www.patriotica.ru/religion/frank_rus_mir_.html (date of access: 20.04.2019). — (In Rus.)
51. Fromm E. Anatomy of Human Destructiveness. — Moscow : AST-LTD, 1998. 698 p. [Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. — M. : AST-LTD, 1998. 698 s.]. — (In Rus.)
52. Heidegger M. Nietzsche's Words "God is Dead" // Works and Reflections of Different Years / M. Heidegger. — Moscow : Gnosis, 1993. P. 168—217. [Slova Nitshe «Bog mertv» // Raboty i razmyshleniya raznykh let / M. Khaydegger. — M. : Gnozis, 1993. S. 168—217]. — (In Rus.)
53. Kharis R. The Great Poetic Explanation of the Great Sacraments. Ode "God" of Gabriel Derzhavin Worthy of Translations into All Languages // Literary Newspaper. 2018.No 29. [Velikoe poeticheskoe iz'yasnenie velikikh tainstv. Oda «Bog» Gavrila Derzhavina dostoyna perevodov na vse yazyki // Literaturnaya gazeta. 2018. № 29]. — (In Rus.)
54. Khudiev Sergey. Native Philosophy [Electronic Resource]. [Tuzemnaya filosofiya]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/52354.html> (date of access: 20.04.2019).
55. Shakhovskiy V. P. Emotional Communication as a Moderator of the Mode of Environmental Friendliness [Electronic resource] // Proceedings of Rus. Univ. of Friendship of Peoples. Ser.: Linguistics. 2015. No. 1. P. 11—18. [Emotsional'naya kommunikatsiya kak moderator modusa ekologichnosti // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2015. № 1. S. 11—18]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/emotsionalnaya-kommunikatsiya-kak-moderator-modusa-ekologichnosti> (date of access: 19.04.2019).
56. Ern V. F. The Struggle for the Logos. Cultural Misunderstanding // Works / V. F. Ern. — Moscow : True, 1991. P. 109—126. [Bor'ba za Logos. Kul'turnoe neponimanie // Soch. / V. F. Ern. — M. : Pravda, 1991. S. 109—126]. — (In Rus.)
57. Yakovenko I. G. What to Do? [Electronic resource] // New Newspaper. 2012. No. 29. [Chto delat'? // Novaya gazeta. 2012. № 29]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/03/15/48804-cto-delat> (date of access: 19.04.2019). — (In Rus.)
58. Yaspers K. T. Introduction to Philosophy [Electronic Resource]. [Vvedenie v filosofiyu]. URL: https://www.ereading.club/bookreader.php/96538/Yaspers_-_Vvedenie_v_filosofiyu.html (date of access: 19.04.2019). — (In Rus.)
59. PontiusPilat. Russians or Peoples of Russia? [Electronic resource]. [Russkie ili Rossiiane?]. URL: https://pikabu.ru/story/russkie_ili_rossiiane_2196695 (date of access: 19.04.2019). — (In Rus.)